

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(3)(092)

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.9-29

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ХВОСТОВА

М.В. Новиков, Т.Б. Перфилова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, 150000, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу коренного аспекта творческого наследия профессора Императорского Казанского университета М.М. Хвостова – обоснованию необходимости создания нового типа объяснительной истории – социологической истории. Квалифицируя историю как науку индивидуализирующую и идиографическую, а социологию – как науку генерализирующую и номотетическую, М.М. Хвостов, исходя из убеждения в единстве научной методологии, сделал акцент не на оппозиции этих обществоведческих дисциплин, а на совпадении их предметных полей и познавательных позиций – актуальности изучения сверхсложной целостности социальной реальности, претерпевавшей изменения во времени и пространстве. Создававшийся на философской платформе позитивизма предметный аспект социологической истории составлял процесс социальной (исторической) эволюции, который трактовался с общеисторической точки зрения при опоре на теоретически обоснованную социологией факторную концепцию и принцип исторического детерминизма. В центре социологической истории находились «история состояний» и «история событий», «деятельность общественных масс» и выдающихся личностей. Социологическая история, по замыслу М.М. Хвостова, была призвана наполнить абстрактные социологические схемы достоверной исторической информацией, способствовать концептуализации критически осмысленных фактов, относившихся к многогранному процессу исторических трансформаций общества.

Ключевые слова: позитивизм, неокантианство, номотетические и идиографические науки, генерализирующие и индивидуализирующие методы, история, социология, социологическая история, факторный подход, исторический детерминизм, теоретико-методологический синтез

*К 150-летию
профессора М.М. Хвостова*

В 2022 г. исполняется 150 лет со дня рождения профессора Императорского Казанского университета, известного российского историка Михаила Михайловича

Михаил Михайлович Хвостов

Хвостова (1872–1920), жизнь которого трагически и безвременно оборвалась в Томске в годы Гражданской войны. Один из лучших выпускников Императорского Московского университета мог рассчитывать на карьеру в альма-матер, но предпочел связать свою профессиональную и научную деятельность с Императорским Казанским университетом. Результаты его научной деятельности высоко оценивались не только современниками, но и учеными советского периода, которые считали капитальным вклад М.М. Хвостова в изучение экономической истории греко-римского Египта [1–3]. В то же время, причисляя М.М. Хвостова к «буржуазным» историкам, они активно критиковали его теоретико-методологические позиции и общественно-политические взгляды [3–6]. В ходе пересмотра в постсоветский период идеологизированных представлений о «буржуазной» исторической науке выяснилось, что ученый принадлежал к генерации «критических позитивистов» [7, 8], стремившихся усовершенствовать самое слабое звено позитивизма – историческую гносеологию. Важность этой задачи признавал и М.М. Хвостов, разработавший концепцию социологической истории.

В наших предыдущих публикациях, посвященных изучению научного наследия историка, отражены особенности формирования его научного мировоззрения, а также различные аспекты творческой деятельности ученого [9–11].

Настоящая статья посвящена рассмотрению социологического дискурса в наукотворчестве М.М. Хвостова.

Научная деятельность М.М. Хвостова пришлась на резонансный, во многом критический для мировоззрения российских историков период ломки и пересмотра «старой» парадигмы позитивистской философии и социологии, из которых история заимствовала свои общеметодологические принципы. Позитивизм, заметно ослабленный и даже отчасти парализованный критикой как самих историков, так и представителей других обществоведческих дисциплин, принадлежавших к самым различным направлениям и течениям философско-исторической мысли рубежа XIX – XX вв., тем не менее, сохранил свой идеал научности и коррелировавшие с ним нормы непосредственной практической исследовательской деятельности. Что касается его самого слабого звена – гносеологии, исходившей из теории исторического знания, – то кризисная для исторического сознания эпоха предоставила ей немало вариантов обновления.

Это могли быть междисциплинарные дискурсы, вбивавшие идеи, подходы, методологические приемы истории, социологии и психологии, которые позволяли интегрировать все наиболее значимое из различных типов обществоведческих наук, актуализировать их сопряженностью со злободневными когнитивными и теоретико-познавательными запросами, соединять исследовательские интенции и ресурсы в разнообразные комбинации мысли и эвристического действия.

Это могли быть теоретико-методологические «подновления» через заимствования наиболее востребованных в научных кругах систем понятий, познавательных установок, готовых обобщений, самих эпистемологических моделей и даже не гармонизировавших с позитивизмом, а идущих с ним вразрез доктрин [12, с. 44–49].

Позитивизм мог совершенствоваться содержательно за счет невостребованных прежде тем, и не только конкретно-исторической направленности. Заявки на обсуждение новых аспектов теории исторического знания и теории исторического процесса «подбрасывали» марксизм, набиравший популярность в «полеведшей» социально-политической среде, и неокантианство, которое при появлении представлений о множественности путей исторического развития во всемирно-историческом масштабе превращалось в самую популярную версию философского обоснования субъективистской модели исторического познания [13, с. 74–75].

Несостоятельность традиционной методологии исторического изучения прошлого перед лицом качественно новой познавательной ситуации делала востребованными одновременно как императивы строго научного знания, верифицированного эмпирическим материалом и доступного непредвзятой проверке результатов, так и нормы субъективистской интерпретации исторических данных, когда разрозненные фрагменты целого приобретали связанность только в сознании познающего субъекта.

Релятивизация научных истин сделала возможным применение к изучавшемуся объекту сразу двух контрастирующих методов, соответствовавших двум основным направлениям историософской мысли: обобщавшему явления исторической жизни при помощи номологических построений и процедур, с одной стороны, и, с другой – вырабатывавшему индивидуально-конкретные представления о них. Отныне к ним относились не как к взаимоисключающим, а, напротив, как к взаимодополняющим друг друга [13, с. 51, 63].

Кратко охарактеризованный эпистемологический контекст преобразования исторической науки многими современниками М.М. Хвостова воспринимался как хаос, и такое видение ситуации вполне допустимо: слишком много компонентов традиционного и, казалось бы, правильного, многократно апробированного знания и профессионального опыта были подвергнуты сомнению. Идеи, оппозиционные друг другу, и убеждения, не терпящие компромисса, синхронно приобретали научный вес, вербовали своих сторонников, что не могло не породить растерянности перед неминуемым выбором между «правдой» и «заблуждением».

Старшее поколение историков, в своей массе историков-практиков, увлеченное решением понятных конкретных задач: критикой источников и реконструкцией «картин» малоизвестных страниц прошлого, редко тратило свои силы на обсуждение даже принципиально важных теоретических вопросов – теоретические аспекты истории считались уделом философии и философии истории. Хотя столичную профессуру можно было бы считать исключением из этого правила,

но и она построению доктрин (теоретическому синтезу), созданию теорий исторического процесса предпочитала эмпирический анализ [14, с. 56–57, 86–90], превыше всего ценила достижение истинного знания, стремилась заниматься фактической стороной исторического процесса, который реконструировался на основе грамотной интерпретации сведений источников.

Не случайно поэтому включение в методологические дебаты о дальнейшей судьбе истории, которую с подачи неокантианцев начинали дистанцировать от точных наук из-за свойственной ей гносеологической оригинальности, не редуцируемой до естественно-научной модели познания, считалось уделом молодого поколения историков. Всеобщие историки глубже своих коллег по научному цеху были вовлечены в процесс познания хода всемирной истории и в силу дисциплинарной специфики быстрее отзывались на все новые интеллектуальные импульсы европейских ученых, что и превращало их в застрельщиков реформирования истории на новой теоретико-познавательной основе, а нередко даже и в историков-теоретиков, отчетливее других осознававших «больные» проблемы исторической науки.

К их числу принадлежал и М.М. Хвостов, известный с 90-х годов XIX в. своими полемическими статьями на злободневные для изучения всеобщей истории темы. Воспринимая новые интеллектуальные импульсы и глубоко осмысливая будоражившие сознание проекты преобразования истории на более гибкой – эклектической – теоретико-методологической платформе, он принял участие в создании нового образа своей науки.

Общеметодологические воззрения М.М. Хвостова были сформированы в лоне классического позитивизма (они были заложены системой образования, зиждились на авторитете прославленных профессоров Московского университета [10]), но подверглись коррективам под влиянием неокантианства, марксизма, критического позитивизма, испытали воздействие социологических и психологических подходов к интерпретации исторического процесса.

Заявив о своей профессиональной зрелости участием в методологических дебатах, ученый сделал попытку переработать и систематизировать весь сложный в своей многомерности и противоречивой направленности поток идей, теорий, познавательных приемов и на этом взлете своего наукотворчества вынужден был остановить ученые рефлексии. Волею обстоятельств (Гражданская война, эвакуация в Сибирь и трагическая смерть) его теоретико-методологические поиски были прерваны на стадии упорядочения объемного материала, характеризовавшего культурно-эпистемологическую среду производства гуманитарного наукоучения. Только поэтому, на наш взгляд, прекрасно образованному, способному и деятельному профессору не удалось до конца осилить толщу альтернативных мыслей, придать логическую стройность, идейную целостность и завершенность собственной историко-философской позиции, создать непротиворечивую концепцию теории исторического знания и теории исторического процесса.

Осуществляя свое служение науке в теоретико-методологической среде, завораживавшей плюралистичностью базовых принципов, он мог сполна удовлетворить и ученое любопытство, и потребность «обогащаться» за счет историософских, социологических, психологических доктрин. Однако та же среда не способствовала выработке спокойной уверенности в своих силах и появлению убежденности в пра-

вильности выбора взгляда как на мир, так и на историческую проблематику, что, без сомнения, отразилось на результатах его научно-теоретических поисков.

Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать перечень работ, которые профессор предлагал студентам для дополнительной подготовки к занятиям по методологии и философии истории (ЛМФ). Доминанту теоретико-методологических взглядов историка по этому списку определить очень сложно.

Центральное место в списке «пособий по курсу» принадлежит исследованиям «одного из крупнейших теоретиков истории», в оценке самого М.М. Хвостова, Г. Риккёрта (ЛМФ, с. 6). Студентам следовало изучить «основное сочинение Г. Риккёрта по некоторым вопросам теории истории “Границы естественно-научного образования понятий”», затем статью «Философия истории», содержащую «сжатое изложение взглядов» главы баденской школы неокантианства, и, наконец, второе «совершенно переработанное» издание книги «Науки о природе и науки о культуре», освещавшей «позднейшую формулировку» его логической концепции истории (ЛМФ, с. 6).

Работы Г. Риккёрта дополняются публикациями сторонников неокантианского течения исторической мысли: Э. Мейера («Теоретические и методологические вопросы истории») и А.С. Лаппо-Данилевского («Методология истории»), а также исследованиями ученых, противоречиво оценивавших главные идеи и логику рассуждений ключевой фигуры неокантианства: румынского историка и социолога А.Д. Ксенополя («Теория истории»), апологета неокантианства, разработавшего статистический подход к осмыслению социологического материала, А.А. Чупрова («Очерки по теории статистики»), известного отечественного историка, представителя социально-экономического направления историографии конца XIX – начала XX в. и популяризатора эмпириокритицизма Р.Ю. Виппера («Очерки теории исторического познания») (ЛМФ, с. 7).

Статью самого М.М. Хвостова «К вопросу о задачах истории», помещенную вместе с вышеперечисленными изданиями в разделе главных теоретических сочинений, тоже нельзя обойти вниманием, а она, хотя и изобличала «неверные» философско-исторические представления виднейшего мыслителя начала XX в. Г. Риккёрта, все же содержала немало свидетельств, которые указывали на важность идей неокантианской философии в историческом мировоззрении казанского ученого (ЛМФ, с. 7).

Ко второй группе рекомендованной студентам литературы мы бы отнесли разные по теоретико-методологической направленности работы по социологии, специально проакцентированные М.М. Хвостовым. Поскольку к моменту создания лекционного курса (1912–1913 гг.) спор между историей, социологией и философией истории о легитимизации их предметных областей еще не был завершён [15, с. 7–8], монографии были «разнесены» профессором в два блока: «теория истории» и «философия истории». Среди авторов исследований мы обнаружили многие известные имена: немецкого социолога, представителя «философии жизни» Г. Зиммеля, немецкого социолога П. Барта, относившегося к философии истории как к социологии, крупнейшего российского мыслителя, историка и социолога Н.И. Кареева (ЛМФ, с. 7).

Историки-позитивисты второго поколения, иначе представители критического позитивизма, тоже не были обделены вниманием профессора, но они находятся

в явном меньшинстве (по сравнению с неокантианцами) и представляют для М.М. Хвостова интерес только как специалисты по сугубо прагматическим аспектам изучения истории. Симпатии ученого поделены между французскими флагманами «эрудитского эмпиризма» Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом [16, с. 2–13] и представителем немецкой «эмпирической исторической науки» Э. Бернгеймом (ФИ, с. 136), известным источниковедом и предтечей теории «культурных кругов».

Этот перечень «пособий» для студентов, безусловно, примечателен.

Рассмотренный с формальной точки зрения, он позволяет сделать вывод об актуальности в Европе и России рубежа XIX – XX столетий исследований по теории исторического знания и исторического процесса, о вовлеченности представителей социогуманитарных отраслей наук в мощное интеллектуальное движение, направленное на теоретико-методологическое переоснащение истории. В авангарде процессов реформирования истории и подготовки нового типа исторического мышления находились европейские, и прежде всего немецкие, ученые.

Если обратиться к самому цитируемому М.М. Хвостовым автору, Г. Риккёрту, то можно признать верным следующее высказывание немецкого ученого: «Следуя философской “черте века”, (историки. – *М.Н., Т.П.*) обращаются от своих специальных научных исследований к вопросам более общего характера. Но... вследствие недостаточного понимания исторического мышления, именно в наше время приобрел громадное значение», их подчеркнутому вниманию к философии «почти всегда предшествуют исследования по методологии истории» (ФИ, с. 137). Рубрикация «пособий», сделанная М.М. Хвостовым, иллюстрирует это высказывание.

Действительно, труды по «философии истории» замыкают список рекомендованных профессором монографий, следуя за «общими сочинениями», публикациями по «теории истории» и «методологии истории» (ЛМФ, с. 6–7).

Представляя себя на месте М.М. Хвостова, мы можем осознать, какие сложности он испытывал, осуществляя систематизацию научной продукции и разнесение ее по соответствующим блокам. Авторы, привлекавшие его интерес, пытались в своих сочинениях охватить весь спектр проблем, стоявших перед исторической наукой в «переломный» для нее момент: философско-исторических, теоретико-познавательных, логико-методологических. Поэтому Хвостов-преподаватель был вынужден группировать работы своих научных кумиров сразу по нескольким критериям: полноты изложения интересовавшей его проблемы, наибольшей ясности и доступности мысли, созвучности тех или иных аспектов исследования своим собственным убеждениям¹, а если он затруднялся с анализом и не мог этого сделать, то повторял имя ученого дважды, помещая под разными рубриками предложенной им классификации «пособий»². Есть в комментариях

¹ Названия самых важных трудов сопровождаются комментариями. Например, в отношении «Проблем философии истории» Г. Зиммеля сказано: «Эта книга представляет очень тонкий анализ ряда основных проблем теории исторического познания». Книге П. Барта «Философия истории как социология» дана следующая характеристика: «Представляет ценность как обзор новейших социологических и философско-исторических теорий». Заключение о труде Э. Бернгейма «Учебник исторического метода и философии истории» (“Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie”) таково: «Методология изложена очень детально, особенно хорошо трактована критика источников; реконструкция исторических фактов представлена слабее, а философия истории – еще слабее. Но это – наилучший обзор методологии» (ЛМФ, с. 6–7).

² Этой чести были удостоены Э. Бернгейм и А.С. Лаппо-Данилевский, труды которых разнесены в два блока: «общие» (пособия по курсу. – *М.Н., Т.П.*) и труды «по методологии истории» (ЛМФ, с. 6–7).

к рекомендованной студентам дополнительной литературе оценочные суждения профессора³ и методические советы⁴.

Подбор литературы с содержательной точки зрения выдает в М.М. Хвостове **историка-социолога**, о чем он открыто заявлял в публикациях первого десятилетия XX в. (ИЭБ, с. 281) и что нарочито подчеркивал в лекционных курсах, причем не только по методологии и философии истории (ЛМФ, с. 51), но и по истории Древней Греции (ИГ, с. 11–12, 30).

Пристальное внимание ученого к наследию Г. Риккёрта **могло бы при успешном анализе определить его в лагерь неокантианцев** (и такие попытки имели место в отечественной историографии [5, с. 72–81; 8 с. 56]). Однако подобное мнение ошибочно. М.М. Хвостов, действительно, разделял некоторые неокантианские представления, использовал специфическую, легко идентифицируемую терминологию этой философской доктрины, но оставался верен коренным эпистемологическим принципам позднего – «критического» – позитивизма.

Характерные черты отечественной историографии конца XIX – начала XX в.: отсутствие универсальной общепринятой теории познания и признание многообразия концептуальных решений исторических проблем – в полной мере отражает и содержание «Лекций по методологии и философии истории», построенное из комбинаций, а также компиляций наиболее привлекательных для М.М. Хвостова и наиболее шумевших в научном мире сочинений.

Их перечень был включен уже непосредственно в текст лекций, состоявший из трех частей: теории истории, методологии истории и обзора философско-исторических теорий (ЛМФ, с. 5). Каждая часть делилась на параграфы. Максимальное их количество (ЛМФ, с. 23) относилось к теории исторического знания и теории исторического процесса; методология (в узком смысле)⁵ была сведена к пяти небольшим параграфам; обзор философско-исторических теорий охватывал всего полстраницы вводной лекции (ЛМФ, с. 5) и явно не соответствовал первоначальному замыслу профессора, который планировал изложить «историю философии

³ Например, в отношении П. Барта, сделавшего наилучший, в оценке М.М. Хвостова, обзор социологических и философско-исторических концепций, сказано: «Личные взгляды автора малоценны» (ЛМФ, с. 7).

⁴ Например, профессор увещевает: «Предостерегаю от пользования этим сочинением Риккёрта (“Науки о природе и Науки о культуре”. – М.Н., Т.П.) в предшествующем (первом) издании» (ЛМФ, с. 6).

⁵ И.М. Савельева и А.В. Полетаев используют понятие «методология» в широком и узком смыслах слова. В первом случае методология – это «аналитические концепции исторического процесса, способы познания причинных и структурных связей, теоретический анализ прошлых обществ и процессов перехода от одного типа общества к другому, модели, объясняющие динамику и статику истории» [17, с. 61]. Методология в узком смысле сводится к историческим методам, то есть приемам «критики источников, прежде всего письменных» [17, с. 58].

Более развернутое представление о методологии научного знания в целом и методологии истории находим в терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки»: «Методология истории – научная дисциплина, разрабатывающая методологический аппарат исторической науки, изучает природу, принципы и методы исторического познания» [18, с. 271].

«Методология – пограничная область каждой науки, через которую она соприкасается с другими науками, испытывая их влияние... Особенно тесной является ее связь с философией, так как основные понятия всякой науки в силу их всеобщности являются мировоззренческими» [18, с. 272].

«...При определении содержания методов исторического исследования выделяется два подхода: 1) акцент делается на их тесную связь с изучением исторических источников: под историческими методами подразумеваются приемы критики исторических источников, прежде всего письменных... 2) исторические методы рассматриваются как совокупность подходов и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом с целью решения поставленной задачи» [18, с. 277].

Очевидно, что М.М. Хвостов вторую часть своих лекций посвящал методам исторического исследования как разделу методологии истории, но четко не разграничивал понятия «методология» и «методика».

истории» в аксиологическом контексте с оценкой «смысла» и «ценности» исторического процесса с «точки зрения нашего мирозерцания» (ЛМФ, с. 5). Но то ли замысел оказался слишком грандиозным, то ли Г. Риккёрт посеял зерно сомнения в его сознании по поводу философии истории⁶ – трудно сказать. Во всяком случае, текст лекций по этой части курса практически отсутствует.

Материалы курса будут для нас являться основным свидетельством характера научных воззрений М.М. Хвостова. К тому же, наряду с «Лекциями по методологии...», мы обратимся к другим учебным изданиям профессора, всегда сопровождавшимся источниковедческими и историографическими обзорами, теоретическими установками, нужными для формирования исторического мышления студентов. Мы привлечем также наиболее серьезные с методологической точки зрения публикации ученого в известных российских журналах и тематических сборниках рубежа XIX – XX вв.

Это позволит нам выявить самые значимые для его сознания и нужные в профессиональной деятельности проблемы и темы, которые со временем, в ходе дальнейших рефлексий, могли бы составить целостную методологически зрелую теорию исторической науки.

Логика изложения курса по методологии и философии истории задается дефиницией понятия «история». М.М. Хвостов дает два определения истории как науки. Согласно первому, под историей понимается «проверенное и систематизированное знание относительно человеческого общества в его изменении во времени» (ЛМФ, с. 8).

Второе определение можно назвать авторским: «*История есть индивидуализирующая наука о человеческом обществе, изучающая общество в его изменениях во времени*»⁷ (ЛМФ, с. 11). Оно выделено жирным курсивом, чтобы визуализировать завершение рассуждений профессора о месте истории в системе научного знания. Никаких сомнений, будораживших научную мысль XVIII – начала XIX в. по поводу отнесения истории к науке или признания в ней самостоятельной области знаний [17, с. 17–18, 31], он не испытывал.

История, по М.М. Хвостову, отвечала требованиям подлинной науки, соответствовала двум наиважнейшим ее признакам⁸: доказательности («проверенности»)

⁶ Г. Риккёрт в своем труде, специально посвященном философии истории, сначала определил ее задачи следующим образом: объединить добытые «особыми областями исторической жизни» результаты в «цельную, стройную картину, дать общий обзор всей исторической жизни» (ФИ, с. 133–134).

При таком подходе определение, данное М.М. Хвостовым философии истории (это «история философии истории»), имеет точки соприкосновения с первоначальным высказыванием немецкого мыслителя.

Но затем Г. Риккёрт расширил задачи философии истории, присоединив к первоначальному кругу предметной области философско-исторических исследований еще и создание «учения о принципах исторической жизни, и логику исторической науки». Логике истории он назвал «исходным пунктом и основой всех философско-исторических исследований вообще», поскольку, пояснял ученый, только она позволяет проникнуть «в сущность исторического познания» (ФИ, с. 134–135).

⁷ В статье «К вопросу о задачах истории» сказано, что исторические науки изучают «действительность в ее многообразии и определяют лишь причинное сцепление фактов» (ВЗИ, с. 801).

Что касается не всей совокупности наук, построенных по хронологическому принципу, а «собственно исторической» науки, то предметом ее исследования является «индивидуальное и в пространстве, и во времени». Аналогичное определение М.М. Хвостов давал и двум другим «конкретным, индивидуализирующим или идиографическим» наукам: геологии и «истории видов» (ВЗИ, с. 803, прим. 3).

⁸ Сегодня «минимально необходимыми критериями научности» исторического исследования называют «проблемность, предметность, обоснованность, интересубъективную проверяемость, системность и истинность исторического знания» [18, с. 320].

и логической стройности, причем ее систематизация, то есть теоретическое построение, не являлась произволом ученого – она осуществлялась «в известном порядке на основании некоторого принципа», стандартизированного научным сообществом и разделявшегося каждым историком (ЛМФ, с. 8).

Имплицируя информацию о том, что в основе всех классификаций наук лежали два принципа: классификация по предмету и по методу [17, с. 18], – М.М. Хвостов в качестве первой классификационной схемы приводит модель структурированного научного знания О. Конта. Хотя в ней и не нашлось места истории⁹, наличие социологии («социальной физики») и физиологии, отождествлявшейся О. Контом с психологией¹⁰, привлекало к этой стратификации наук внимание М.М. Хвостова, видевшего в себе ученого-обществоведа (ЛМФ, с. 51). Кроме того, ему важно было отцентровать сам принцип классификации наук, предложенный «отцом социологии»: восхождение от конкретного (частного), или «описания отдельных явлений», к абстрактному теоретическому обобщению, «открывающему законы явлений»¹¹ (ЛМФ, с. 9). Этот коренной способ подхода к осмыслению материала науки, экстраполированный на способы познания индивидуализирующей истории и генерализирующей социологии (ЛМФ, с. 11), составил стержень теоретико-методологических построений ученого.

У О.М. Медушевской, излагавшей требования к гуманитарному знанию ученых начала XX в., этот список короче. В нем три позиции: объективность, истинность познания, достоверность результатов [13, с. 52, 83].

«Синонимами научности» называют также точность выводов и верифицированность использованных данных [17, с. 34].

⁹ Основная часть «Курса позитивной философии» О. Конта была посвящена естественно-научным дисциплинам. К моменту издания первого тома этого труда (1830), заложившего фундамент позитивизма, вопрос о научном статусе истории еще не был окончательно решен, поэтому и место истории в системе знания – из-за разнообразия и противоречивости способов исторического познания – было незавидным [17, с. 17, 27, 49].

О. Конт отводил истории второстепенную, вспомогательную роль в научном познании: она должна была открывать факты и искать причинные связи между ними. Поднимать историю до ранга науки должна была социология (ИИ, с. 123–124).

¹⁰ Точнее было бы сказать об отождествлении психологии с физиологией мозга: именно такую трактовку разработанной О. Контом научной теории «высших отправлений головного мозга» дал Робине (ПФ, с. 70, 77, 80).

Робине даже утверждал, что экспериментальная психология была «начата в общих чертах Кабанисом, основана Галлем и Брусс» и наконец приведена в стройный вид Огюстом Контом», который уже с 1838 г. собирал и систематизировал научную информацию о «нервной системе вообще и головном мозге в частности» (ПФ, с. 80–81).

В составленном О. Контом «энциклопедическом законе, или иерархии наук», социология опиралась на биологию, благодаря которой научно и логически устанавливался «постепенный переход от внешнего мира к бытию социальному...» Статическую часть биологии, согласно учению философа, составляла анатомия, «или учение о строении всего того, что обладает жизнью, учение о строении организованных тел в состоянии покоя, но готовых перейти в движение». Физиология как «биологическая динамика» изучала общие явления, соподчиненные между собой, совокупность которых объясняла «непрерывные отправления... жизни» (ПФ, с. 68).

¹¹ Сам О. Конт о «необходимом порядке положительных наук» писал следующее: «Такой порядок должен по своей природе отвечать двум основным условиям, – догматическому и историческому... первое состоит в расположении наук согласно их последовательной зависимости, так чтобы каждая опиралась на предыдущую и подготавливала следующую, – второе предписывает располагать их сообразно ходу их действительного развития, переходя всегда от более древних к более новым» (ДПФ, с. 70).

«Основной закон этого общего порядка, закон догматической и преемственно-исторической зависимостей... заключается в распределении различных наук согласно природе изучаемых явлений, либо по их убывающим общности и независимости, либо по их возрастающей сложности, откуда вытекают умозрения все менее и менее отвлеченные и все более и более трудные... возвышенные и полные; последнее создается их более тесным отношением к человеку или, вернее, к человечеству, которое является конечной целью всякой теоретической системы...»

Если... мы определим... с философской точностью истинное происхождение всякой научной системы, действительно исходящей вначале из чисто числовых умозрений... (то. – М.Н., Т.П.) мы постепенно приходим к открытию неизменной иерархии... одинаково научной и логической – шести основных наук: математики, астрономии, физики, химии, биологии и социологии; из них первая необходимо составляет исключительный отправной пункт последней, являющейся единственной основной целью всякой положительной философии...» (ДПФ, с. 69–72).

Примерами спецификации наук не по предмету, как у О. Конта, а по методу М.М. Хвостов называет «новейшие классификации» В. Виндельбанда, Г. Риккёрта, А.Д. Ксенополя, но подробно разбирает только «деление» наук «с точки зрения познающего субъекта», предложенное Г. Риккёртом (ЛМФ, с. 9–10).

Как известно, Г. Риккёрт свел противоположность двух типов наук («наук и природе» и «наук о культуре») к противоположности двух исследовательских методов: либо приводящему к познанию общего, либо обеспечивающему познание обладающего значимостью индивидуально-неповторимого. С их помощью трансцендентальное сознание ученого творит либо природу, либо культуру [17, с. 52].

М.М. Хвостов выражает эти мысли философа следующим образом: «Риккёрт... дает такое деление: 1) Науки, работающие генерализирующим (обобщающим) методом (эта группа соответствует номотетическим наукам Виндельбанда). 2) Науки, работающие индивидуализирующим методом (идиографические науки Виндельбанда). По Риккёрту... нет явлений повторяющихся... Если и есть обобщающие науки о сходных, повторяющихся явлениях, то они суть продукт особых приемов нашего мышления, игнорирующего различия между двумя или несколькими явлениями. Индивидуализирующие науки воспроизводят индивидуальные явления, изучают конкретную действительность в её настоящем виде, хотя... прибегают к некоторым упрощениям... потому что восстанавливать действительность в её совершенно настоящем виде невозможно, да и бесполезно... Одни науки являются типичными для генерализирующего метода – это науки о природе; а другие науки типичны для индивидуализирующего метода – это науки о культуре, о человеческом обществе...» (ЛМФ, с. 10).

М.М. Хвостов соглашается с утверждением Г. Риккёрта о единичности и неповторимости явлений и процессов («строго говоря, в мире повторяющихся явлений нет» (ЛМФ, с. 20)); он признает и трансцендентальный характер научной реальности (ЛМФ, с. 23, 30; ВЗИ, с. 800, 803); не возражает против выделения двух основополагающих методов (генерализирующего и индивидуализирующего) изучения «крайне многообразных» явлений природы, «познаваемых и внешним, и внутренним опытом человека» (ЛМФ, с. 8). Однако паллиативность высказываний Г. Риккёрта о допустимости использования «генерализирующего элемента» не только в естествознании, но и в исторических науках и, наоборот, о возможности применения индивидуализирующего метода в науках о природе, то есть отступление философа от классификации по методу и нелогичный переход к классификации по предмету, дает М.М. Хвостову шанс указать на ошибочность логических конструкций мыслителя и на фоне критики обозначить свою точку зрения о специфике истории и ее месте в классификационной схеме наук.

«Риккёрт не прав, когда утверждает, что естественные науки пользуются исключительно генерализирующим методом, – заявляет профессор, намеренно профанируя содержание рассуждений философа о несводимости исторического познания к естественно-научному. – Все явления природы (в широком смысле) можно изучать обоими методами» (ЛМФ, с. 11). Подобно тому как «естественники» – геологи, географы – прибегают к индивидуализирующему методу, совмещая обобщения с описаниями, выведенный закон – с конкретными сведениями об объектах наблюдения, так и «науки о человеческих обществах» применяют оба метода: типизируют, абстрагируются от частных, когда ищут «общее

в общественных явлениях», или, напротив, конкретизируют, акцентируют детали, когда «изучают частности».

Примерами обобщающих наук об «отдельных сторонах человеческих обществ» М.М. Хвостов называет политическую экономию и общую теорию права. «Генерализирующей наукой о человеческом обществе» в целом, то есть в совокупности всех сторон и проявлений общественной жизни, является социология (ЛМФ, с. 11), подводит он итог, по сути размыкая предметные поля социологии и истории, но различая их по методу изучения общественных явлений и процессов.

История, в отличие от социологии, не относится к номотетическим наукам, резюмировал М.М. Хвостов, потому что она «изучает общественные явления... индивидуализирующим методом» (ЛМФ, с. 11). Поэтому при дефиниции истории необходимо подчеркивать ее особость среди прочих «наук о культуре» по классификации Г. Риккёрта. «История есть индивидуализирующая наука о человеческом обществе, изучающая общество в его изменениях во времени... История есть наука идиографическая, описывающая не общее, а частное...» – таков его вывод (ЛМФ, с. 23).

Таким образом, схематично воспроизведенная полемика с Г. Риккёртом по поводу размежевания наук исходя из метода исследования, позволила М.М. Хвостову сформулировать свое представление об истории как **науке, относящейся, наряду с социологией, к разряду общественных, но отличающейся от них индивидуализирующим характером**: ее предназначение состояло в «описании частного» и объяснении его изменений во времени, то есть в процессе развития.

История – это идиографическая наука: она описывает конкретное (к примеру, конкретные исторические события (ВЗИ, с. 819, прим. 2)), никогда не повторяющееся во временном потоке то или иное изменение в обществе, поэтому только с помощью генерализирующей социологии ее можно «подтянуть» до уровня науки, открывающей законы (ВЗИ, с. 798).

Социология, как и другие «теоретические... систематические социальные науки», обрабатывает данные психологии, естествоведения, но прежде всего – своего главного эмпирического базиса – истории (ВЗИ, с. 818, прим. 2). Это ей необходимо, чтобы «дать систему факторов исторической эволюции и теорию их действия» (ВЗИ, с. 819, прим. 2).

Схожие задачи – «истолкование отдельных исторических событий и сведение их путем анализа к проявлению действий общих факторов» – могла бы решать и социологическая история, которая, в свою очередь, опирается на реферирующую историю, восстанавливающую исторические факты, и прагматичную историю, указывающую на связь «отдельных фактов с предыдущими» (ВЗИ, с. 821).

«Нельзя думать, – заявлял М.М. Хвостов, – что **социологическая история** исключает изучение отдельных фактов, а стремится к познанию только общего в истории человеческих обществ. Напротив, возможно более детальное изучение отдельных фактов является тем фундаментом, на котором зиждется **социологическая история**... Нельзя думать, что **социологическая история** занимается изучением общественных масс, а не личностей. И то, и другое является предметом

исследования **социологической истории** сообразно степени их “действенности”» (ВЗИ, с. 824)¹².

Комментируя эти рассуждения М.М. Хвостова, мы можем прийти к выводу, что при **дефиниции предметной области истории** он уже имел в виду не просто возможность, а **необходимость** ее поглощения социологической историей, более оперативно реагировавшей на появление актуальных научных и мировоззренческих проблем. К тому же совпадение ряда познавательных позиций истории и социологии создавало благоприятные условия для выгодного обеим наукам сближения и стимулировало этот процесс. Это сближение, в свою очередь, предоставляло возможности социологии экстраполировать ряд своих познавательных задач в предметную область истории, активизируя там начавшееся движение в сторону экспликации «общих вопросов» исторической науки, или теории истории (ЛМФ, с. 4).

Чтобы убедиться в этом, сравним «важнейшие категории социологии», соответствующие магистральным направлениям исследований этой науки, с задачами теории истории в понимании М.М. Хвостова.

К важнейшим **категориям социологии**, получившим наибольшую популярность в годы жизнотворчества М.М. Хвостова, относились следующие понятия, отражавшие самые общие и существенные связи реального мира: «общественный процесс, роль личности в истории, причинность и закономерность, функции идей и производства, принципы периодизации, сущность социального класса» [14, с. 162]. Среди социальных проблем, ждавших своего научного разрешения во второй половине XIX в., значились: направления социальной эволюции, структура общества и законы его развития [19, с. 36].

Предметом теории истории в трактовке казанского профессора являлось выяснение «задач исторической науки и ее места среди других наук». Определение научного статуса истории открывало возможность изучения «вопроса о человеческом обществе как субстрате исторической эволюции... вопроса о сущности эволюции общества... понятий исторической причинности и закономерности... факторов, вызывающих изменения в обществе» (ЛМФ, с. 4).

¹² Намерение М.М. Хвостова объединить историю и социологию, схожие в предмете исследования, но разные по способам познания, мог бы прокомментировать Н.И. Кареев, которому социологический подход к истории казался оправданным как состоянием современной общественно-политической среды, так и изменением интеллектуального пространства: «Новая постановка социальных вопросов в жизни и зарождение новой общественной науки (социологии. – *М.Н., Т.П.*) отражаются на истории тем, что она все более и более сосредоточивает свое внимание на тех же самых явлениях, которые более всего занимают и социологов. Одним словом, в процессе своего развития историческая наука все более и более подчиняется социологической точке зрения, делая главным своим предметом общество в его строе и быте. При таком понимании истории наука эта и социология – одна конкретная, другая абстрактная – должны взаимно дополняться».

Далее Н.И. Кареев выражает сожаление по поводу того, что не все представители обществоведческих дисциплин «понимают надлежащим образом различие между социологией и историей», то игнорируя право на существование социологии, то, наоборот, «странным образом» смешивая обе науки. «Особенно много путаницы, – подчеркивал он, – вносится авторами, не понимающими чисто абстрактного характера социологии и думающими, что социология есть лишь известным образом преобразованная история» (ВИС, с. 44).

По-видимому, М.М. Хвостов принадлежал к такому типу историков, которые, отстаивая единство научного метода и подчеркивая предельно социальную природу историографии, видели все основания для сближения социологии и истории, но в то же время старались дистанцировать их, исходя из классификационного принципа.

Однако нам известны случаи, когда М.М. Хвостов из историка «превращался» в социолога, и тогда дифференциация конкретной истории и открывающей законы социологии переставала быть очевидной.

М.М. Хвостов специально обращал внимание на то, что по ряду аспектов исследования, к примеру осмысления исторической эволюции общества, теория истории «близко соприкасается с социологией» (ЛМФ, с. 4).

Очевидным является его стремление опереться на позитивистскую социологию, а также на другую генерализирующую науку об обществе – социальную психологию – как на надежные объяснительные модели при изложении совсем еще не разработанной к началу XX в. отрасли исторической науки – теории истории¹³, куда, как мы заметили, профессор поместил и ряд вопросов теории исторического знания, и проблемы теории исторического процесса.

В отличие от многих своих современников, не признававших глобальных социологических обобщений, чуждых эмпирической конкретике, М.М. Хвостов стремился соединить свой интерес к теории истории, близко **соприкасавшейся с социологией**, с эвристическим интересом непосредственно исторических исследований. Его не привлекали одни лишь «голые» факты, пересказ политических событий в духе Л. Ранке и даже захватывающий процесс поиска непроверяемых доказательств для «восстановления... цельной картины» прошлого (ИГ, с. 20).

Эти задачи так называемой **«реферирующей истории»** уже удалось решить, по его мнению (ВЗИ, с. 791, 815, прим. 5), предшествующим поколениям ученых. М.М. Хвостова интересовала **«история объяснительная, имеющая целью причинное объяснение исторических событий» с социологической точки зрения**: для нее было характерно не просто выведение «фактов последующих из отдельных фактов предшествующих», а подчеркнутое истолкование фактов о жизни общества, исходя «из общих социологических положений (природа страны, рост народонаселения, влияние соседей, потребности индивидов, составляющих общество, и деятельность этих индивидов, направленная к удовлетворению их потребностей, формы общественной организации, уровень знаний в обществе, степень сознательного воздействия общества на свою структуру)» (ИГ, с. 21).

¹³ Н.И. Кареев, в 1913 г. опубликовавший свою «Историку. Теорию исторического знания», прямо заявлял о том, что «в литературе по теории истории нередко наблюдается смешение задач теории истории как науки и истории, в смысле того, что эту науку изучается. Теория исторического знания... есть одно, теория исторического процесса – совсем другое», – констатировал он и далее подчеркивал: «Я бы сказал даже, что есть не одна, а две теории или, по крайней мере, две совершенно самостоятельные части единой теории, имеющей дело с прошлым народов, государств, человечества. <...> Каждая из этих двух теорий имеет свои особые вопросы, которые не должно смешивать одни с другими» (И, с. 352–353).

Далее он перечисляет вопросы теории исторического знания, или методологии: «...Как возможно знание прошлого, и в каком смысле оно может быть научным? Имеет ли, далее, сама история вообще право называться наукой? В частности, в чем заключаются источники исторического знания? Что составляет его предмет? Какие его задачи? Какими приемами исследования должна пользоваться история для добывания научных истин?»

Вопрос о приемах исторического исследования, или «о путях достижения истины... об историческом методе», Н.И. Кареев считал «прямо доминирующим» в теории истории. Однако «историческую методологию» он не ограничивал только «техническими вопросами о приемах исторического исследования», а расширял за счет «принципиальных вопросов гносеологии, то есть теории познания», исходившей, в свою очередь, из «специальной логики» исторической науки (И, с. 353).

К теории исторического процесса мыслитель прежде всего относил изучение причин «непохожести» отдельных народов земли: «Что... обуславливало такое, а не иное течение истории? <...> ...Какие силы... являются движущими в истории или источниками наблюдаемых в ней перемен? Какие факторы участвуют в историческом процессе и какой фактор играет в нем какую роль? Какое значение принадлежит в нем сознанию и намерениям, усилиям и действиям отдельных личностей?» (И, с. 355).

Судя по тому, что М.М. Хвостов сводил методологию к методам исторического исследования (ЛМФ, с. 85–99), он не был знаком с этой работой Н.И. Кареева или сомневался в правильности взглядов своего старшего современника.

Хотя зачатки такой истории – **в полной мере социологической** – он, как ему казалось, обнаруживал уже у знаменитых древнегреческих авторов (Фукидида, Аристотеля и Полибия), трудно было бы усомниться в том, что на «твердые основы эта форма исторической науки начала становиться лишь в последние десятилетия XIX века» (ИГ, с. 21).

М.М. Хвостов мыслил себя, **наряду с Р.Ю. Виппером и Д.М. Петрушевским**¹⁴, провозвестником этого направления развития историографии в России. По его представлениям, **социологическая история** была привлекательна отнюдь не социологической умозрительностью О. Конта, а исключительно ориентацией на концептуализацию «критически проверенных фактов», на создание теоретических обобщений, наполнявших абстрактные социологические схемы достоверной исторической информацией, на производство историко-социальных доктрин, способных объяснять специфику исторического процесса главным образом у народов древности на всем протяжении их исторических маршрутов.

Труднообозримый предмет «социального», включающего в рамках самой общей дефиниции историю социальных структур, процессов, явлений – иными словами, всю историю общества [17, с. 113], М.М. Хвостов ограничил, как мы отметили, комплексом проблем, выясняющих, по его разумению, характер исторического процесса преимущественно у народов Древнего мира, многовековая, а иногда и многотысячелетняя история которых давала «возможность вскрыть с большей ясностью влияние некоторых... элементарных факторов, которые обуславливают эволюцию человеческих обществ на ранних ступенях их развития» (ИДВ, с. 7).

Обосновывая перспективность **социологического подхода к историческим исследованиям**, М.М. Хвостов ссылаясь на резонансные работы своих предшественников, зарубежных и отечественных историков, объясняя их успех «расширением кругозора (ученых. – *М.Н., Т.П.*) в сфере *социологической*»; наибольшее впечатление на него производили те части сочинений, в которых рассматривались влияние «природы на историю... статистика народонаселения», а также контакты с «культурными соседями» (ИГ, с. 30–31).

Помимо изучения факторов исторической эволюции, которые наполняли историю социологическими смыслами, М.М. Хвостова привлекало в объяснительной истории направление, разрабатывавшее стратегические и тактические подходы к определению достигнутого народами древности «уровня (или степени) культуры» (ИГ, с. 31). Ясно осознавая, что «показатели культурности» (ИГ, с. 13) не сводятся к внешнеполитическим успехам, он горячо приветствовал появление трудов, содержащих «равномерное освещение всех сторон жизни народа». Поэтому книгу профессора Римского университета К.Ю. Белоха «Греческая история» он был готов назвать «делающей эпоху в историографии Греции» (ИГ, с. 31) только за то, что автор «следит за экономической эволюцией

¹⁴ Названные историки причисляли себя так же, как и М.М. Хвостов, к историкам-социологам, но понимали этот альянс наук по-разному. Позиция Д.М. Петрушевского, занятая им в 1917 г., была довольно близка точке зрения казанского профессора. «Давно пора, – писал признанный историк Средневековья, – раз и навсегда освободиться от этого страха перед социологией... и смело занять определенно генерализирующую, по существу, социологическую позицию... <...> Только... строго методически ставя себе социологические задачи и разрешая их с помощью строгих приемов исторического исследования, только становясь социологией, историческая наука станет на вполне твердую почву и как наука об индивидуальном» (В, с. 47).

Древнего мира, характеризует социальные отношения, политическую эволюцию, международное положение» Эллады (ИГ, с. 33).

Из комментария профессора следует, что в этом случае социологическим подходом к истории он называет «освещение жизни общества» без перекоса в сторону политической и событийной истории, как это было принято раньше, в XVIII и большей части XIX в. (ИГ, с. 30), а «во всей ее полноте, то есть не только политических, но и экономических, и социальных, и культурных явлений» (ИГ, с. 34). А это означает, что **социологической истории** были подвластны все процессы, явления, стороны жизни социумов, вся история общества в беспредельном расширении тем, сюжетов, объема содержания, далеко выходящего за границы факторов исторической эволюции. Спасаясь от односторонности, она вбирала в себя весь многогранный процесс исторических трансформаций общества, то есть изучала его с «общеисторической точки зрения». Системное постижение и глубокое проникновение в суть общего исторического развития становились возможными через социологические «сопоставления» истории народов древности с «явлениями истории средневековой и ранней новой»¹⁵.

Если общеисторическую точку зрения считать социологической, как это делал М.М. Хвостов, то и разница между социологической историей и социологией перестает быть очевидной. Это подтверждают две фразы, взятые нами из его «Истории Греции».

В первом случае он писал: «Историк должен изучать общество на всем протяжении его эволюции, и чем полнее будет изучение, тем больше будет материала для социологических заключений. С этой точки зрения важно не только общество влиятельное, но и общество малозначительное» (ИГ, с. 30).

Во втором случае, касавшемся социологии, присутствует аналогичный познавательный интерес: «Для социолога важно следить за развитием общества на протяжении многих веков» (ИГ, с. 11). Когда подобный «социологизм» он обнаруживает у К.Ю. Белоха, его окрыляет открывающаяся перспектива установления «тесных связей» между политической, экономической и культурной историей и, кроме того, возможность выявления «общего» в эволюции народов Древнего мира (ИГ, с. 33), а также надежда обнаружения аналогий в новой историко-культурной среде начавшегося в древности исторического процесса.

Очевидно, что неприемлемый для истории и социологии, взятых по отдельности, подобный подход к смешению и неразличимости предметных областей этих наук (что неизбежно порождало размытый и неотчетливый их методологический инструментарий) был вполне корректен, по убеждению М.М. Хвостова, применительно к социологической истории¹⁶.

¹⁵ Подобный «социологизм» М.М. Хвостов обнаруживал в «Греческой истории» К.Ю. Белоха. Приведем целиком ход рассуждений казанского профессора: «...Социологизм Белоха проявляется в применении общеисторической точки зрения. Он сам хорошо знаком с историей Средних веков и Нового времени и изучает греческое общество в связи с историей всеобщей. Все время перед его глазами стоят общества других времен: не отождествляя греческое общество с другими, он его с ними сравнивает. Мы видим, читая Белоха, как много у греков общего с эволюцией других народов» (ИГ, с. 33).

«Социологическое расширение кругозора историков» М.М. Хвостов объяснял необходимостью осмысления ими тех «крупных экономических и культурных перемен на континенте Европы во вторую половину XIX века», свидетелями которых они являлись (ИДГ, с. 542).

¹⁶ Кстати сказать, аналогичную логическую погрешность замечал и Б.Г. Сафронов при изучении исторического мировоззрения Р.Ю. Виппера. Исследователь отреагировал на заключение Р.Ю. Виппера об отсутствии необходимости различать абстрактную социологию и конкретную историю следующим образом:

Для социологической истории, которую разрабатывал М.М. Хвостов, было важно не только изучать факторы общественной эволюции в их привязке к конкретной пространственно-временной среде или исследовать жизнь народа с «общей исторической точки зрения». Социологическая история изъясляла свои интенции и в осуществлении типологизации древних обществ, производившейся при помощи фиксации повторяющихся наиболее примечательных – типичных – «черт», наблюдавшихся в ходе социально-экономического, политико-правового, культурного развития создателей первых цивилизаций.

С этим направлением «гибридного» проекта М.М. Хвостова, аккумулировавшего эпистемологические возможности истории и социологии, мы не раз встречаемся в учебной практике казанского профессора. Так, в отдельный исторический тип древних обществ он, как и его коллеги и современные специалисты, помещает «цивилизации Древнего Востока» (ИДВ, с. 5–15). В античной Греции он также отмечал наличие «разнообразных культурных типов», имея в виду различающиеся по историческим параметрам (экономическому укладу, государственному строю) полисы. Главной причиной, повлиявшей на специфику полисов и скорость протекания процессов их развития, он называет «совокупное действие географических факторов» (ИГ, с. 47).

М.М. Хвостов сумел выделить «характерные черты эволюции государственных форм всех обществ», в процессе эволюции менявших изначально им присущую «племенную организацию» на «феодальную организацию», а затем и на «бюрократическую монархию» (ИДВ, с. 11–12); смог выявить стадии экономического развития, свойственные «каждому обществу», и при помощи «схемы Бюхера» осуществить их типологизацию (ИДВ, с. 8–10); приложил усилия к тому, чтобы определить «типичные черты... в духовной жизни восточных обществ» (ИДВ, с. 12).

Вполне осознавая, что поиски общего, типичного, повторяющегося в истории всех древних народов вступают в конфронтацию со спецификой истории как индивидуализирующей науки, профессор попытался найти аргументы, доказывающие неизбежность подобного теоретико-методологического компромисса. Он был убежден в том, что при соблюдении паритетности общего и специфического, девальвации его исследовательской позиции не произойдет. Поэтому М.М. Хвостов резко критически высказывался только в отношении тех ученых, кто был «склонен к подчеркиванию типичного и игнорированию существенных деталей», чем отличался, по его мнению, к примеру, К. Бюхер (ИДВ, с. 10). Себя же, отдающего отчет в том, что «каждое человеческое общество... переживает стадии развития, которые в высшей степени различаются в деталях», он не причислял к «теоретикам», увлекающимся одними лишь голыми схемами, но вместе с тем и не считал зазорным «искать сходства», которых было «немало... и в сфере экономической, и в социальной, и в государственной, и в развитии права, и в развитии духовной культуры» у тех же самых самобытных обществ (ИДВ, с. 7–8).

«Виппер забывает, что задачи у них (у этих наук. – М.Н., Т.П.) разные. В одном случае на базе обобщения фактических данных вскрыть закономерности, а в другом – на базе тех же данных и открытых закономерностей истолковать, объяснить, понять конкретное событие или конкретный процесс» [14, с. 168].

Таким образом, блестящая перспектива осмысления бесконечного количества неповторяющихся фактов и их систематизация в соответствии с направлениями исторического исследования, попытки подтверждения априорных теоретических предположений на богатом фактическом материале привлекали М.М. Хвостова, поэтому он позиционировал себя не просто историком, а историком-социологом¹⁷, а иногда и исключительно социологом¹⁸, элиминируя указание на принадлежность к «щеху» историографов.

Социологическая история, легализовавшая союз эмпирии, аподиктических суждений, каузального подхода, генерализирующих процедур, была для М.М. Хвостова **спасением от обвинений в непоследовательности и противоречивости его теоретико-методологических позиций.**

Создавая свой образ социологической истории, профессор словно **прозревал модель историографии**, которой предстояло утвердиться в Советской России. Ее предметный аспект, как и у М.М. Хвостова, проявлялся в интерпретации истории общества в виде целостной надындивидуальной социальной системы, реконструкция которой требовала опоры на теорию социальных факторов и принципы исторического детерминизма.

Стремление к достижению объективного истинного знания обуславливалось целенаправленным сбором и описанием достоверных исторических фактов, которые, в свою очередь, гарантировали доказательность и общезначимость исторической теории [17, с. 464–465].

Главное отличие разрабатывавшейся М.М. Хвостовым социологической истории от парадигмы советской исторической науки вместе с тем заключалось в том, что ученый, ориентируясь на познание общего, типичного, повторяющегося в историческом процессе многих обществ (не всегда при этом относящихся к хронотопам древних цивилизаций), не мог себе позволить апеллировать к историческим законам или открывать их. Все номотетические операции должна была проделывать генерализирующая социология, воедино собирая историческую эмпирию и верифицированное на этой почве теоретическое обобщение.

Затем происходил обратный процесс: **социология делилась с историей добытой теорией**, щедро позволяя ей использовать полученные результаты в дальнейшей эвристической деятельности и руководствоваться ими при описании и объяснении конкретной исторической действительности.

Источники

ЛМФ – *Хвостов М.М.* Лекции по методологии и философии истории. – М.: Кн. дом «Либроком», 2011. – 104 с. (Академия фундаментальных исследований: история).

ФИ – *Риккёрт Г.* Философия истории // Риккёрт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 130–204.

¹⁷ Как историк-социолог М.М. Хвостов предстает перед нами при создании в 1909 г. лекционного курса по истории Древнего Востока (ИДВ, с. 7).

¹⁸ От лица социолога он выступал в 1917 г. при создании учебника по истории Древней Греции (ИГ, с. 11), хотя намерения быть социологом и с «социологической точки зрения» изучать «экономическую историю Древнего мира» у него обнаруживаются на десять лет раньше, при написании магистерской диссертации (ИИО, с. I).

Задачи социологической истории М.М. Хвостов сформулировал в 1909 г. в статье «К вопросу о задачах истории» (ВЗИ).

- ИЭБ – *Хвостов М.М.* Изучение экономического быта древности (Две полемики) // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1900. – Июнь. – С. 281–303.
- ИГ – *Хвостов М.М.* История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 262 с.
- ВЗИ – *Хвостов М.М.* К вопросу о задачах истории // Сб. ст., посвящ. Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). – М.: Печатня С.П. Яковлева, 1909. – С. 791–824.
- ИИ – *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 482 с.
- ПФ – Положительная философия Огюста Конта в изложении д-ра Робине / Пер. с фр. изд. Е.А. Предтеченского. – СПб.: Тип. А.А. Пороховщикова, 1898. – 133 с.
- ДПФ – *Конт О.* Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). – СПб.: Вестник Знания, 1910. – 76 с.
- ВИС – *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – 418 с.
- И – *Кареев Н.И.* Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 352–548.
- В – *Петрушевский Д.М.* Введение. О логическом стиле исторической науки вообще и средневековой истории в частности // Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. – С. 35–70.
- ИДВ – *Хвостов М.М.* История Древнего Востока. – Л.: Гос. изд-во, 1927. – 275 с.
- ИДГ – *Хвостов М.М.* История Древней Греции // Энцикл словарь рус. библиогр. ин-та Гранат. – М.: Рус. библиогр. ин-т, Б. г. – Т. 16. – С. 528–624.
- ИИО – *Хвостов М.М.* Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1907. – Т. 1: История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). – XXXVIII, 479 с.

Литература

1. *Матвеева И.Н.* К вопросу об общей концепции эллинизма в трудах М.М. Хвостова в свете изучения эллинистической истории на рубеже XIX – XX веков // Вопросы историографии всеобщей истории. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. – Вып. 4. – С. 123–130.
2. *Матвеева И.Н.* К вопросу о научной и педагогической деятельности М.М. Хвостова // Вопросы историографии всеобщей истории. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – Вып. 3. – С. 145–153.
3. *Путнынь Э.К.* Изучение истории Древней Греции // Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 3. – С. 374–396.
4. *Бессмертный Ю.Л., Хвостова К.В.* М.М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // История и историки: Историографический ежегодник. 1977 / Отв. ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1980. – С. 322–345.
5. *Хмылёв Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – 172 с.
6. *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 112 с.
7. *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Гродно: ГрГУ, 2003. – 349 с.

8. *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века: в 2 ч. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. – Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы. – 144 с.
9. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* «Это был человек труда»: памяти М.М. Хвостова // *Вопр. истории.* – 2020. – № 10. – С. 166–173. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi84.
10. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Особенности научного мировоззрения М.М. Хвостова // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История.* – 2020. – № 4. – С. 56–74.
11. *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М.М. Хвостова // *Вестн. гуманит. образования.* – 2021. – № 1. – С. 7–16. – doi: 10.25730/VSU.2070.21.001.
12. *Голосенко И.А.* Теоретико-методологические основы русской немарксистской социологии // *Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / Под ред. Е.А. Чагина.* – Л.: Наука, 1978. – С. 7–49.
13. *Медушевская О.М.* Методология истории как строгой науки // *Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т.* – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 1. – С. 23–84.
14. *Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 221 с.
15. *Бороноев А.О.* М.М. Ковалевский – первый русский социолог // *Ковалевский М.М. Сочинения: в 2 т.* – СПб: Алетейя, 1997. – Т. 1: Социология. – С. 5–17.
16. *Гутнова Е.В.* Историография истории Средних веков. – М.: Высш. шк., 1985. – 479 с.
17. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 800 с.
18. *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян.* – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
19. *Кон И.С.* Позитивизм в социологии: Исторический очерк. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. – 207 с.

Поступила в редакцию
25.07.2022

Новиков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, д. 108/1, г. Ярославль, 150000, Россия
E-mail: m.novikov@yvspu.org

Перфилова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ул. Республиканская, д. 108/1, г. Ярославль, 150000, Россия
E-mail: department_of_history@mail.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 6, pp. 9–29

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.9-29

Sociological Discourse in M.M. Khvostov's Works

M.V. Novikov*, T.B. Perfilova**

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, 150000 Russia

E-mail: *m.novikov@yspu.org, **department_of_history@mail.ru

Received July 25, 2022

Abstract

This article analyzes the underlying aspects of the artistic heritage of M.M. Khvostov, an eminent professor at Imperial Kazan University. The focus is on the justification of the need for creating sociological history as a new type of explanatory history. The scholar's coherent and consistent concept of sociological history was never introduced to the public, but its basics were laid and described in his publications and lecture courses. In this concept, history was qualified as an individualizing and idiographic study and sociology as a generalizing and nomothetic one. As a result of having stemmed from the belief in the unity of scientific methodology, M.M. Khvostov placed a greater emphasis on the overlapping of the subject fields and cognitive positions of these sociological branches rather than on their opposition. In order to overcome the opposition between the typological and concrete individual ways of comprehending historical reality, he proposed their theoretical and methodological synthesis on the principle of complementarity of tasks, research approaches, and methods. Therefore, the process of cognition was thought to involve studying unique facts, using the comparative historical method, as well as identifying common, similar, and typical features. The results obtained here are important for developing the theoretical and methodological foundations of historical science: M.M. Khvostov insisted that sociological history was destined to fill the existing abstract sociological schemes with reliable historical information, to contribute to the conceptualization of critically cited facts related to the multifaceted process of historical transformations of society.

Keywords: positivism, neo-Kantianism, nomothetic and ideographic sciences, generalizing and individualizing methods, history, sociology, sociological history, factor approach, historical determinism, theoretical and methodological synthesis

References

1. Matveeva I.N. On the problem of the general concept of Hellenism in M.M. Khvostov's works through the lens of the studies in Hellenistic history at the turn of the 19th–20th centuries. . *Voprosy istoriografii vseobshhei istorii* [Problems of the Historiography of World History]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1969, no. 4. pp. 123–130. (In Russian)
2. Matveeva I.N. On the problem of M.M. Khvostov's research and pedagogical work. *Voprosy istoriografii vseobshhei istorii* [Problems of the Historiography of World History]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1968, no. 3, pp. 145–153. (In Russian)
3. Putnyn' E.K. Studying the history of ancient Greece. In: Nechkina M.V. (Ed.) *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 3. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1963, pp. 374–396. (In Russian)
4. Bessmertnyi Yu.L., Khvostova K.V. M.M. Khvostov and his views on the history of the Western European peasantry (based on the materials of an unpublished course of lectures). In: Nechkina M.V. (Ed.) *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy ezhegodnik* [History and Historians: A Historiographical Yearbook]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 322–345. (In Russian)

5. Khmylev L.N. *Problemy metodologii istorii v russkoi burzhuaznoi istoriografii kontsa XIX – nachala XX v.* [Problems of the Methodology of History in Russian Bourgeois Historiography of the Late 19th–Early 20th Centuries]. Tomsk, Izd. TGU, 1978, 172 p. (In Russian)
6. Shofman A.S. *Mikhail Mikhailovich Khvostov* [Mikhail Mikhailovich Khvostov]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1979, 112 p. (In Russian)
7. Nechukhrin A.N. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossiiskoi pozitivistkoi istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and Methodological Foundations of Russian Positivist Historiography (1880s–1917)]. Grodno, GrGU, 2003. 349 p. (In Russian)
8. Ramazanov S.P. *Krizis v rossiiskoi istoriografii nachala XX veka* [Crisis in Russian Historiography during the Early 20th Century]. Pt. 1. Defining and trying to solve the problem. Volgograd, Izd. Volgogr. Gos. Univ., 1999. 144 p. (In Russian)
9. Novikov M.V., Perfilova T.B. “It was a man of labor”: In memory of M.M. Khvostov. *Voprosy Istorii*, 2020, no. 10, pp. 166–173. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi84. (In Russian)
10. Novikov M.V., Perfilova T.B. Formation of M.M. Khvostov’s scientific worldview. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya*, 2020, no. 4, pp. 56–74. (In Russian)
11. Novikov M.V., Perfilova T.B. The concepts of “society” and “evolution” in the interpretation of M.M. Khvostov. *Vestnik Gumanitarnogo Obrazovaniya*, 2021, no. 1, pp. 7–16. doi: 10.25730/VSU.2070.21.001. (In Russian)
12. Golosenko I.A. The theoretical and methodological background of non-Marxist sociology in Russia. In: Chagin E.A. (Ed.) *Sociologicheskaya mysl’ v Rossii: Ocherki istorii nemarksistskoi sotsiologii poslednei treti XIX – nachala XX veka* [Sociological Thought in Russia: Essays on the History of Non-Marxist Sociology in the Last Third of the 19th–Early 20th Centuries]. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 7–49. (In Russian)
13. Medushevskaya O.M. Historical methodology as a strict science. In: Lappo-Danilevskii A.S. *Metodologiya istorii* [The Methodology of History]. Vol. 1. Moscow, ROSSPEN, 2010, pp. 23–84. (In Russian)
14. Safronov B.G. *Istoricheskoe mirovozzrenie R.Yu. Vippera i ego vremya* [The Historical Worldview of R.Yu. Wipper and His Time]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1976. 221 p. (In Russian)
15. Boronoev A.O. M.M. Kovalevsky, the first Russian sociologist. In: Kovalevsky M.M. *Sochineniya* [Writings]. Vol. 1: Sociology. St. Petersburg, Aleiteya, 1997, pp. 5–17. (In Russian)
16. Gutnova E.V. *Istoriografiya istorii Srednikh vekov* [Historiography of the History of the Middle Ages]. Moscow, Vyssh. Shk., 1985. 479 p. (In Russian)
17. Savelyeva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and Time. In Search of the Lost]. Moscow, Yazyki Russ. Kul’t., 1997. 800 p. (In Russian)
18. Chubar’yan A.O. (Ed.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar’* [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary]. Moscow, Akvilon, 2014. 576 p. (In Russian)
19. Kon I.S. *Pozitivizm v sotsiologii. Istoricheskii ocherk* [Positivism in Sociology. A Historical Essay]. Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1964. 207 p. (In Russian)

Для цитирования: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Социологический дискурс в творчестве М.М. Хвостова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 6. – С. 9–29. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.9-29.

For citation: Novikov M.V., Perfilova T.B. Sociological discourse in M.M. Khvostov’s works. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 9–29. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.9-29. (In Russian)